

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 27–37, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)

Illiteracy Eradication Policies in the USSR in the 1950-1960s

Galina M. Ivanova ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Institute of Russian History of the RAS; Deputy Director for Research, GULAG History Museum (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivgalina@mail.ru.

Abstract

With evidence from newly introduced archival materials, the paper studies the eradication of illiteracy among the USSR's adult population during the 1950–1960s. It analyzes the causes for the increase in the number of illiterate citizens in the postwar period and concludes that the miserable situation largely resulted from repressive deportations and arrangements of 'special settlements' (Rus. *'spetsposeleniya'*). Many children from families of the deported and 'special settlers' (Rus. *'spetsposelentsy'*) had no real opportunities to learn the basics of how to read and write. For example, over 23 % of Kalmyk school-age children did not attend school.

The government planned to eradicate illiteracy in the USSR during the mid-1950s, however, the lack of funding and poor organization of the work on the identification and training of illiterates impeded the realization of the plans. The attempt by the Ministry of Education to shift the concern for the elimination of illiteracy among trade union members onto trade union organizations had yielded no positive results.

The article provides the first attempt to investigate the state illiteracy eradication program. This policy was set in motion throughout the country after enactment of the confidential decree "On Illiteracy Eradication among the Population" dated 4 January 1958. The paper analyzes the implementation of the decree and its results. In 1958, half a million illiterate citizens aged 16 to 49 years, including 1 611 Kalmyks, were trained in the RSFSR.

The 1959 population census showed that the work on elimination of illiteracy had not been completed. The greatest number of illiterates in the RSFSR (as a percentage of the total population of the region) was found in the Chechen-Ingush ASSR (5.6 % of the total population of the autonomous republic) and in the Yakut ASSR (2.3 %). In the Kalmyk ASSR, the census revealed 3 935 illiterates (2.2 % of the total population of the region). In the author's opinion, such a situation is largely an echo of the policy of deportations and special settlements.

The article contains extensive statistical materials on the number of illiterates and semi-literates in the country and its regions.

Keywords: eradication of illiteracy, Stalin's 'special settlements', education in the USSR.

Проблема полной ликвидации неграмотности взрослого населения СССР оставалась актуальной на протяжении 1950-х–1960-х гг. Вопрос обучения неграмотных то затухал и не выходил за рамки рутинной работы местных органов народного образования, то вспыхивал с такой силой, что сводки о числе обученных грамоте, поступавшие в высшие партийные органы, напоминали донесения с полей сражений.

Рост численности неграмотных в СССР в послевоенный период был обусловлен, в первую очередь, тяготами и лишениями военного времени. Однако ряды неграмотных и малограмотных граждан пополнялись не только за счет тех, кто в годы войны и сразу после её окончания не имел возможности учиться. Одним из главных источников роста численности неграмотного населения были спецпоселения. В результате репрессивной политики И. В. Сталина жертвами насильственных переселений, депортаций, ссылок и высылки стали более 6 млн чел. Выселенные из родных мест люди направлялись в отдаленные районы страны на специальные поселения. Там они находились под надзором органов внутренних дел и не имели права покидать места спецпоселений, хотя формально сохраняли статус полноправных граждан СССР. Подавляющее большинство (82 %) депортированных считались выселенными «навечно» и потому в документах иногда именовались «выселенцами». На 1 января 1953 г. на учете состояло 2 753 356 спецпоселенцев, в том числе 884 057 детей в возрасте до 16 лет включительно [Земсков 2003: 201–212].

Введение в стране всеобщего обязательного семилетнего обучения привлекло внимание органов внутренних дел к вопросам школьного обучения детей спецпоселенцев. Осенью 1949 г. Отдел спецпоселений МВД СССР организовал проверку постановки школьного образования детей спецпоселенцев в Казахской ССР. Оказалось, что из 196 224 детей школьного возраста обучались 138 604 человека (70,6 %), остальные 57 620 детей (29,4 %) школы не посещали. Среди калмыцких детей, проживавших на территории Казахской ССР, не посещали школы 10 %. Как отмечал начальник Отдела спецпоселений В. В. Шиян в своей докладной записке от 22 декабря 1949 г. на имя министра внутренних дел С.Н. Круглова, «основной причиной неполного охвата детей учебной является необеспеченность их

одеждой и обувью. В связи с наступлением зимнего периода значительное количество детей из-за отсутствия обуви и одежды перестали посещать школы. Наряду с этим во многих казахских школах по месту расселения выселенцев-спецпоселенцев отсутствуют русские классы. Поэтому дети выселенцев-спецпоселенцев, не владея казахским языком, отказываются учиться в этих школах» [История сталинского Гулага 2004: 767].

После обсуждения результатов этой проверки руководство МВД СССР поручило Отделу спецпоселений выяснить, как проводится в целом школьное обучение детей спецпоселенцев. 24 февраля 1950 г. полковник В. В. Шиян представил руководству МВД СССР докладную записку под грифом «Совершенно секретно», в которой информировал о состоянии школьного обучения детей спецпоселенцев. Всего на 1 января 1950 г. в местах расселения репрессированных было учтено детей выселенцев-спецпоселенцев школьного возраста 460 032 человека. Из них обучалось в начальных и средних школах 368 089 детей (80 %), не были охвачены учебной 91 943 человека (20 %). Среди детей выселенцев-спецпоселенцев насчитывалось калмыков школьного возраста 14 548 человек, из них учились в школе 11 156 детей (76,7 %), не учились — 3 392 ребенка (23,3 %) [История сталинского Гулага 2004: 634].

В качестве основных причин непосещения школ детьми назывались два обстоятельства. Во-первых, тяжелое материальное положение семьи, вследствие чего дети и подростки, не имея зимней одежды и обуви, прекращали ходить в школу или вынуждены были работать в колхозах и на производстве, чтобы получить средства к существованию. Во-вторых, отсутствие школ в местах расселения выселенцев-спецпоселенцев или большая отдаленность школ от спецпоселков. Вопрос о том, что представляли собой школы, если они и были в самых отдаленных и труднодоступных районах СССР, и имелись ли там условия для обучения детей всех возрастов, органами МВД не ставился и не обсуждался.

Среди детей, не охваченных учебной, преобладали дети из семей, выселенных с Северного Кавказа и из Грузии, а также депортированных из Молдавии, Прибалтики и с так называемого «Черноморского побережья» (турки, греки, армяне и другие наро-

ды). По мнению автора докладной записки В. В. Шияна, такое положение объяснялось следующими причинами: «По данным проведенного в 1949 г. переучета выселенцев-спецпоселенцев, среди взрослого населения кавказских контингентов имеется наибольшее количество неграмотных. Среди выселенцев с Северного Кавказа количество неграмотных составляет 60 %, а среди выселенцев из Грузии достигает 63 %. Многие выселенцы из числа кавказских контингентов, будучи сами неграмотными, не проявляют необходимой заботы об устройстве своих детей в школы, а в ряде случаев вообще запрещают им учиться» [История сталинского Гулага 2004: 634].

Здесь несколько слов (в качестве комментария) следует сказать об образовательном уровне и социально-профессиональном составе взрослых спецпоселенцев, которые, конечно, оказывали определенное влияние на обучение их детей. В марте 1949 г. среди взрослых спецпоселенцев доля лиц, имевших высшее образование, составляла 0,6 %, среднее — 4,3 %, низшее — 71,0 %, доля неграмотных равнялась 24,1 %. В составе взрослого населения, депортированного в 1944 г. из Грузии, насчитывалось 62 % неграмотных, с Северного Кавказа — 59,9 %, из Крыма — 21,8 %. Кстати сказать, эти сведения, собранные сотрудниками Отдела спецпоселений МВД СССР для своих внутренних целей, опровергали те статистические данные, которые публиковались в советской печати в связи с заявлениями о ликвидации неграмотности в СССР. Удельный вес неграмотных в составе взрослого населения депортированных народов был неодинаковым: хемшилы — 74,9 %, курды — 70,6 %, ингуши — 65 %, чеченцы — 63,1 %, турки-месхетинцы — 62 %, балкарцы — 46 %, карачаевцы — 45 %, калмыки — 39,2 %, крымские татары — 23,6 %, крымские греки — 15,6 %, крымские болгары — 13,6 %, крымские армяне — 13,2 %, немцы — 11,1 % неграмотных [Земсков 2003: 177–179].

Образовательный уровень взрослых калмыков, находившихся в местах спецпоселений, по данным на март 1949 г., был следующим: высшее образование имел 201 человек (0,4 %), среднее — 1 367 (2,8 %), низшее — 28 020 (57,6 %), неграмотных насчитывалось 19 060 человек (39,2 %). Всего на спецпоселении находилось 48 648 взрослых калмыков, в том числе 20 431 мужчи-

на (42 %) и 28 217 женщин (58 %). Социально-профессиональный состав взрослых калмыков в условиях спецпоселения выглядел следующим образом: рабочие — 22 571 человек (46,4 %), колхозники — 13 851 (28,5 %), единоличники — 7 человек, служащие — 2 002 (4,1 %), учащиеся — 573 (1,2 %), не работающие — 10, домохозяйки — 1 862 (3,8 %), престарелые и иждивенцы — 2 304 (4,7 %), инвалиды — 1 560 (3,2 %), пенсионеры — 156 (0,3 %), прочие — 3 752 человека (7,7 %) [Земсков 2003: 174–175].

В докладной записке В. В. Шияна отмечалось также, что серьезным препятствием к обучению детей спецпоселенцев является то обстоятельство, что семьи, депортированные с Кавказа, в основном расселены в республиках Средней Азии и Казахстане, где занятия в большинстве школ проводятся на языках местного населения. Эти языки были незнакомы ни взрослым спецпоселенцам, ни их детям. Среди этих групп спецпоселенцев даже русским языком владели немногие. Кроме того, многие выселенцы из числа чеченцев, ингушей, карачаевцев и некоторых других депортированных народов, будучи, по словам автора записки, настроены националистически, не хотели, чтобы их дети обучались не на своем родном языке, и вследствие этого запрещали им посещать местные школы. В тех местах расселения спецпоселенцев, где имелись русские школы, дело осложнялось тем, что подавляющее большинство детей, депортированных вместе с родителями в 1948–1949 гг. из Прибалтики, с «Черноморского побережья» и из Молдавии, никогда не изучали и не знали русского языка, следовательно, не могли, да и не хотели, начинать обучение в русских школах [История сталинского Гулага 2004: 635].

Подавляющее большинство репрессированных смогли покинуть места спецпоселений в 1954–1956 гг., но не все они получили право вернуться на родину: многим пришлось остаться жить в тех краях, куда они были выселены, или устраиваться в других регионах Советского Союза. В отношении некоторых народов запрет на возврат в родные места был снят в последующие годы, многие возвращались самовольно. Поскольку имущество депортированных семей, конфискованное при выселении, не подлежало возврату, почти каждому, кто возвратился в родные места, пришлось начинать жизнь с нуля. В таких условиях дети, выросшие на

спецпоселении и не получившие никакого образования, со временем пополняли ряды неграмотных и малограмотных взрослых.

По данным единовременного статистического учета сельского населения, на 1 января 1951 г. в РСФСР насчитывалось неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет включительно 1 660 500 человек. Из этого количества неграмотных в течение 1951 г. было обучено 136 тыс. чел. В большинстве областей и краев РСФСР план обучения неграмотных выполнялся крайне неудовлетворительно. В целях скорейшего завершения ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения народнохозяйственный план по обучению неграмотных был увеличен с 400 тыс. чел. в 1951 г. до 1 200 тыс. чел. в 1952 г. и план по обучению малограмотных — с 400 тыс. чел. до 500 тыс. чел. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 142].

Совет министров СССР распоряжением от 30 августа 1952 г. предоставил Министерству просвещения РСФСР право производить, в виде исключения, оплату труда учителей, обучающихся неграмотных и малограмотных в индивидуальном порядке, в размере 100 руб. за каждого обученного, сдавшего проверочные испытания. Указанное распоряжение сыграло некоторую положительную роль. В отдельных областях в 1953 г. значительно увеличилось количество обученных неграмотных и малограмотных по сравнению с 1952 г. Но в большинстве краев, областей и автономных республик оно не оказало никакого стимулирующего действия, поскольку предложенная оплата труда учителя была слишком маленькой и не покрывала его затрат на дополнительную работу во внеурочное время [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3523. Л. 122].

В течение 1952 г. вместо намечавшихся по плану 1 200 тыс. неграмотных и 500 тыс. малограмотных фактически было обучено только 172 529 неграмотных (14,4 % к плану) и 286 163 малограмотных (57,2 % к плану). В некоторых областях, краях и автономных республиках выполнение плана по обучению неграмотного населения практически было сорвано. Так, например, в Курганской области вместо 20 тыс. чел. по плану было обучено только 257 неграмотных (1,3 % к плану), в Коми АССР вместо 4 тыс. чел. — лишь 67 чел. (1,7 % к плану), в Горьком вместо 3,5 тыс. чел. — 58 (1,6 % к плану) и т. д. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 143].

Даже в таких промышленно развитых регионах, как Ленинградская область, план по обучению неграмотных из года в год не выполнялся. Так, за 1952 г. в области было обучено 283 взрослых неграмотных, что составило 5,6 % к плану, а за 1953 г. — 211 человек, или 5,3 % к плану. Несмотря на приказ министра просвещения РСФСР от 17 августа 1953 г., обязывавший Ленинградский областной отдел народного образования усилить работу по обучению неграмотных и завершить ликвидацию неграмотности по области в течение 1953 / 1954 учебного года, эта работа не улучшилась, а ухудшилась. Даже на таких крупнейших промышленных предприятиях области, как Волховский алюминиевый завод, Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат и др., обучение неграмотных и малограмотных шло совершенно неудовлетворительно [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3524. Л. 175-176]. В 1953 г. в целом по РСФСР грамоте было обучено 149 489 неграмотных (12,4 % к плану) и 260 285 малограмотных (43,4 % к плану), что было заметно меньше, чем в предыдущем году [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3523. Л. 122-123].

Ассигнования, которые государство отпускало на обучение неграмотных и малограмотных, использовались не в полном объеме. В 1952 г. из 57,3 млн руб. было освоено всего 23,1 млн руб., т. е. 40,2 %. В отдельных областях, например, в Курской, Орловской, Куйбышевской, выделенные ассигнования использовались на 11-20 %. Это свидетельствовало о крайне слабой организации работ по ликвидации неграмотности. Естественно, что планы по обучению неграмотных в этих областях ежегодно не выполнялись.

В 1954 г. общая сумма ассигнований, выделенных на ликвидацию неграмотности и обучение малограмотных, была уменьшена по сравнению с 1953 г. на 23,5 млн руб. Сокращение бюджета не влекло за собой снижения плановых показателей. Согласно народнохозяйственному плану на 1954 г., в РСФСР было намечено обучить 994 140 неграмотных и 595 570 малограмотных. Вместо этого в действительности за 1954 г. было обучено 126 570 неграмотных (12,7 % к плану) и 213 584 малограмотных (35,9 % к плану) [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4441. Л. 2].

Сокращение финансирования государственных программ ликвидации неграмот-

ности среди взрослого населения объяснялось, с одной стороны, ухудшением общей экономической ситуации в стране, а с другой стороны, явилось следствием неэффективной работы органов народного образования. Попытка министерства просвещения переложить на профсоюзные организации заботу о ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов не дала положительных результатов: во многих регионах по линии профсоюзов не было обучено ни одного неграмотного. Не проявляли никакого интереса к работе по ликвидации неграмотности и комсомольские организации, хотя среди комсомольцев было также немало неграмотных и малограмотных. Регулярное заслушивание отчетов местных отделов народного образования и рассылка на места указаний и писем, практиковавшиеся министерством просвещения, мало помогали делу обучения неграмотных.

В соответствии с государственным планом развития народного хозяйства, ликвидацию неграмотности в РСФСР планировалось завершить в самые кратчайшие сроки, а по ряду областей, имевших незначительное количество неграмотных, — в 1953 / 1954 учебном году. В этой связи Министерство просвещения РСФСР предложило сократить срок обучения неграмотных с 9 месяцев до 5, оставив в каждом месяце по 12 учебных дней и по 4 учебных часа в день. Учебный план предлагалось уменьшить с 330 часов до 200.

Реакция Отдела школ ЦК КПСС на эти предложения была отрицательной. Возражения аргументировались следующим образом: «предложение Министерства просвещения РСФСР о сокращении срока обучения неграмотных с 9 до 5 месяцев и количества учебных часов с 330 до 200 не может быть принято, так как за такой ограниченный срок невозможно обучить грамоте взрослого человека. Учитывая, что значительную часть молодежи не только требуется обучить грамоте, но и русскому языку, как предусматривается постановлением Совета министров СССР от 10 сентября 1953 г., постановка вопроса о сокращении срока обучения неграмотных является попыткой формального подхода к выполнению этого постановления, стремлением просто пропустить людей через курсы, не считаясь с тем, будут ли они действительно обучены» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 42. Л. 149.].

Проявляя вполне уместную принципиальность, Отдел школ ЦК КПСС вместе с тем мало считался с реальным положением дел в системе министерства просвещения. Главной заботой местных органов народного образования были не взрослые, а дети школьного возраста, среди которых многие по разным причинам нигде не обучались. Согласно секретным сведениям ЦСУ СССР, на 1 января 1955 г. в сельских местностях СССР насчитывалось 355 тыс. детей в возрасте 7–13 лет, не обучавшихся в школе, в РСФСР в сельских местностях не посещало школу 215,4 тыс. детей этого же возраста.

Аналогичной статистики по городам не существовало. По приблизительным данным учета детей, который проводили органы народного образования, на 1 сентября 1954 г. в целом по городам СССР не обучалось в школах 26 390 детей в возрасте 7–13 лет, в городах РСФСР школы не посещали 14 400 детей этого же возраста.

В числе детей, не обучавшихся в школах, имелись дети, которые вообще никогда не учились в школе. При проведении (с разрешения правительства) учета неграмотных в сельских местностях, органами ЦСУ СССР было учтено на 1 января 1954 г. значительное количество неграмотных детей и подростков. В целом по СССР в сельских местностях было учтено 55 130 неграмотных детей и подростков в возрасте 8–15 лет, в том числе 25 680 мальчиков и 29 450 девочек. Около 40 % от общей численности неграмотных детей и подростков составляли подростки в возрасте 14–15 лет. Около 15 % составляли 8-летние дети, т. е. те, кого родители своевременно по каким-либо причинам не отдали в школу. В сельских местностях РСФСР статистическими органами было учтено 22 130 неграмотных детей и подростков в возрасте 8–15 лет, в том числе 11 220 мальчиков и 10 910 девочек [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 66. Л. 34-36].

Вовлечь всех этих детей, покинувших школы, не закончив обучения, или никогда не сидевших за школьной партой, в процесс получения семилетнего образования — на это в первую очередь были направлены силы местных органов народного образования. Как отмечалось 4 мая 1955 г. на заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР, «контингент неграмотных и малограмотных в значительной степени пополняется за счет детей школьного возраста, которые по разным причинам отсеиваются из

школ всеобуча» [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4440. Л. 1-2. Д. 4441. Л. 4].

Статистические сведения о численности неграмотных и малограмотных в целом по СССР и по союзным республикам были весьма приблизительными и к тому же секретными. Вся государственная статистика находилась под надежной защитой Центрального статистического управления при Совете министров СССР. На протяжении многих лет (с 1948 по 1975 гг.) его председателем был В. Н. Старовский. До середины 1950-х гг. даже руководители министерств и ведомств не имели свободного доступа к статистическим материалам. После войны данные о численности населения СССР не публиковались и согласно постановлению Совета Министров СССР от 1 марта 1948 г. считались совершенно секретными и входили в перечень главнейших сведений, составивших государственную тайну.

Исходя из сложившейся ситуации, ЦСУ СССР просило разрешить «„предоставлять для служебного пользования в секретном порядке“ министерствам, ведомствам и местным руководящим органам расчетные данные об общей численности населения по СССР, республикам, краям, областям и отдельным городам, отменив существующий порядок, по которому эти данные считаются совершенно секретными» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 56. Д. 17. Л. 207]. Это была своего рода «оттепель» в официальной статистике. По рекомендации В. Н. Старовского, проведение Всесоюзной переписи населения было назначено на январь 1959 г.

В августе 1957 г. ЦСУ СССР провело пробную выборочную перепись населения в 7 городах и районах Советского Союза. На основании материалов этой пробной переписи В. Н. Старовский подготовил для Н. С. Хрущева, работавшего над запиской в Президиум ЦК КПСС о системе народного образования в Советском Союзе, выборку информации о количестве неграмотных и малограмотных в СССР. «Полных данных о количестве неграмотных и малограмотных до проведения новой переписи населения не имеется», — сразу предупреждал В. Н. Старовский. Однако материалы пробной выборочной переписи населения показали, что в ряде районов страны все еще имеется значительное количество неграмотных. Так, по сведениям Старовского, из 735,9 тыс. чел. городского населения в возрасте от 9 лет и старше — 49 700 чел., или 6,8 %, назвали

себя полностью неграмотными, т. е. не умеющими ни читать, ни писать на каком-либо языке. Из 105,7 тыс. чел. сельского населения в этом возрасте неграмотных оказалось 14 400 чел., или 13,6 %. В отдельных сельских районах удельный вес неграмотных в возрасте от 9 лет и старше был особенно высок и доходил до 21–25 % [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 350. Л. 45].

Эти данные серьезно встревожили высшее руководство страны. Стало понятно, что, если не принять срочные меры, предстоящая перепись населения, несомненно, выявит в десятки раз большее число неграмотных и малограмотных, а это будет совсем не к лицу стране, начавшей освоение космоса. Об этом же предупреждал и начальник ЦСУ РСФСР Б. Т. Колпаков, который писал в своем докладе на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова: «В январе 1959 г. при переписи населения неграмотное население будет тщательно учтено, и было бы крайне нежелательным, чтобы число таких граждан в РСФСР было велико» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 49].

И срочные меры были приняты. 4 января 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР утвердили секретное (без опубликования в печати) постановление № 15-9 «О ликвидации неграмотности среди населения», а 18 января 1958 г. Совет министров РСФСР принял постановление № 41-5 по тому же вопросу [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 34]. На уровне местного партийного и советского руководства срочно принимались соответствующие решения, и тоже в секретном порядке.

Начавшийся в январе 1958 г. новый этап работы по ликвидации неграмотности в корне отличался от всех предыдущих: сейчас речь шла не столько о ликвидации неграмотности, сколько о выполнении постановления партии и правительства по этому вопросу, а это был уже качественно иной уровень организации работ по обучению неграмотного населения.

По данным Министерства просвещения РСФСР, проверенным статистическими органами, в РСФСР (без Камчатской области и Якутской АССР) имелось на 1 января 1958 г. неграмотных в возрасте 16–50 лет 592,2 тыс. чел., что составляло около 1 % от общей численности населения РСФСР данного возраста. Из общего числа неграмотных 490 тыс., или 83 %, составляли женщины. Малограмотных, т. е. умеющих только

читать, было учтено 505 тыс., из них женщин — 371 тыс., или 73,5 %. Из 592,2 тыс. учтенных неграмотных 427 тыс., или 72 %, проживали в сельской местности [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 47, 50–53].

25 января 1958 г. Министерство просвещения РСФСР подготовило и направило на места приказ, обязывавший областные, краевые и городские отделы народного образования, а также министерства просвещения АССР привлечь учительство и работников отделов народного образования к активному участию в проведении учета неграмотных, немедленно организовать обучение выявленного контингента неграмотных, привлечь к делу обучения неграмотных общественность, обеспечить учащихся бесплатными учебниками, установить контроль за ходом обучения неграмотных и т. д. Руководители органов народного образования несли персональную ответственность за выполнение партийно-правительственного решения о ликвидации неграмотности.

В марте 1958 г. были напечатаны и отгружены на места 300 тыс. букварей для обучения неграмотных, 50 тыс. экземпляров программ по обучению неграмотных и малограмотных и 1 млн бланков удостоверений для выдачи обученным неграмотным и малограмотным. На местах работа по ликвидации неграмотности началась с выявления и составления списков всех взрослых неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет, подлежащих обучению. Наибольшее число неграмотных было выявлено в Дагестанской, Чечено-Ингушской и Башкирской автономных республиках, в Тамбовской, Московской, Новосибирской областях, а также в Алтайском и Краснодарском крае. В каждом из названных регионов насчитывалось от 16 тыс. до 30 тыс. неграмотных, при этом обучением было охвачено всего от 11 до 22 % неграмотных. В целом, обучение неграмотных проходило значительно успешнее, чем в предыдущие годы. С января по май 1958 г. грамоту освоили в три с лишним раза больше неграмотных, чем за весь 1957 г. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 35. Л. 112–113]. Однако в деле ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения имелись серьезные трудности и существенные недостатки.

Обучение неграмотных даже для опытных учителей было делом весьма трудоемким и непростым. Министерство просвещения в своих отчетах отмечало заслуги учи-

телей-энтузиастов, активно включившихся в обучение неграмотных. Так, учительница Е. Т. Лукашина из Москвы обучила 9 неграмотных, учителя Е. В. Делова и Т. Л. Рыбкина (Псковская область) вдвоем обучили 13 неграмотных. Отмечались заслуги учителей, библиотекарей из Сталинградской области, обучивших от 2 до 4 неграмотных цыган. В 1958 г., несмотря на значительные усилия министерства просвещения, далеко не все государственные, партийные и общественные структуры активно включились в работу по выполнению постановления партии и правительства о ликвидации неграмотности среди населения. Так, за 10 месяцев 1958 г. по линии профсоюзных организаций было обучено всего лишь 7 % от общего числа окончивших обучение.

Одна из причин того, что в обществе не наблюдалось ничего похожего на кампании 1920-х–1930-х гг. по ликвидации неграмотности, заключалась в том, что кампания 1958 г. была, по сути, скрыта от общественности. Секретный характер партийно-правительственного постановления о ликвидации неграмотности привел к тому, что многие руководители общественных организаций и предприятий долгое время вообще ничего не знали о постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР, равно как и о соответствующих решениях горкомов и обкомов. Так случилось, например, в Перми. Руководители велосипедного завода, нефтемаслозавода, кирпичных заводов, швейной фабрики и других предприятий города только с апреля включились в работу по ликвидации неграмотности. На протяжении длительного времени не могли закончить учет неграмотных членов профсоюзов профсоюзные организации работников лесной, угольной и нефтяной промышленности в Коми АССР. Далеко не все местные руководители были проинформированы о том, что работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения необходимо закончить до начала Всесоюзной переписи населения, многие даже не догадывались о действительной причине активизации работ по ликвидации неграмотности, поэтому и не придавали этому делу особого значения.

Местные партийные и общественные организации плохо вели разъяснительную работу с неграмотными. Так, в Углеуральске Пермской области от обучения категорически отказывались неграмотные рабочие, прибывшие из западных областей Белорус-

сии и Украины, и никто не проводил с ними никакой разъяснительной работы [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 41]. В некоторых автономных республиках и областях с многонациональным составом населения работа по обучению неграмотных и малограмотных тормозилась из-за недостатка общественных учителей, владевших языками национальных меньшинств, к которым принадлежали неграмотные и малограмотные. Иногда этой работе мешали национальные традиции и обычаи.

Сложные условия для обучения неграмотных наблюдались в Чечено-Ингушской АССР. Постоянный приток населения на территорию республики вследствие снятия в 1957 г. запрета на возвращение спецпоселенцев на родину сопровождался непрерывным увеличением числа неграмотных. Женщин из коренного населения приходилось обучать отдельно от мужчин и в большинстве случаев на дому в индивидуальном порядке, так как в силу традиций женщина не могла находиться вместе с мужчиной в общественном месте. Были случаи, когда мужа просто не пускали своих жен в школы. 23 апреля вышли из печати 4 тыс. букварей на ингушском языке, которые использовались для обучения взрослого неграмотного населения. Для обучения лиц чеченской национальности использовались детские буквари на чеченском языке, которые вышли из печати тиражом 20 тыс. экземпляров в конце 1957 г. Для обеспечения букварями всех неграмотных срочно печатался дополнительный тираж [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 43].

Обучение грамоте проходило медленно. В каждой области, крае и автономной республике среди неграмотных было много женщин-домохозяек в возрасте старше 40 лет, которые, ссылаясь на свой возраст и семейные обязанности, нередко категорически отказывались от обучения их грамоте. Во многих областях, как показывали инспекторские проверки, занятия с неграмотными проводились нерегулярно, от случая к случаю, а это приводило к удлинению срока обучения. Поэтому часть обучающихся неграмотных и малограмотных под разными предлогами прекращала занятия. В период летних каникул, вопреки распоряжениям министерства просвещения, во многих районах обучение неграмотных было прекращено и возобновилось только в сентябре, после возвращения учителей из отпусков. Многие

школы, обучив неграмотных, прекращали с ними занятия, не переводя их в разряд малограмотных, что нередко приводило впоследствии к рецидиву неграмотности. Во многих районах не хватало средств, ассигнованных на ликвидацию неграмотности.

Много путаницы на местах было с учетом неграмотного населения. Проверка достоверности отчетных данных органов народного образования о ликвидации неграмотности показала, что данные о числе обученных по отдельным районам оказались завышенными в 2–3 и более раз.

Совет министров РСФСР, Министерство просвещения РСФСР, ЦСУ РСФСР, а также областные комитеты партии регулярно докладывали в высшие партийные органы о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 января 1958 г. «О ликвидации неграмотности среди населения». Справки, отчеты, доклады, статистические таблицы, представленные разными ведомствами, акцентировали внимание на разных сторонах проблемы, что помогало высшему партийному руководству осуществлять действенный контроль над ситуацией в целом. Вся информация о работе по ликвидации неграмотности проходила под грифом «секретно».

К концу 1958 г. в РСФСР по неполным данным было учтено 623 033 неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет. По данным ЦСУ РСФСР, на 1 ноября 1958 г. из общего количества учтенных неграмотных окончили курс обучения 360 851 чел. (58 %), продолжали обучение 206 180 неграмотных (33 %), не были охвачены обучением 56 002 чел. (9 %).

В Калмыцкой АССР с января по октябрь 1958 г. было учтено неграмотных в возрасте 16–50 лет 1 611 чел., из них окончили курс обучения 640 чел. (39,7 %), продолжали обучение на 1 ноября 1958 г. 971 чел. Калмыцкая АССР была единственной территориальной единицей РСФСР, где все учтенные неграмотные в возрасте 16–50 лет были охвачены обучением [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 77, 82–85].

Эти данные свидетельствуют, что органы народного образования проделали очень большую и сложную работу по ликвидации неграмотности населения в РСФСР. Всего в 1958 г. в республике грамотой овладели около 0,5 млн неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет. Однако итоги переписи населения показали, что эта работа не была полностью завершена.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., на 15 января в РСФСР имелось 1 011,3 тыс. неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет, из них 419,6 тыс. в городах и поселках городского типа и 591,7 тыс. — в сельской местности. По сравнению с данными переписи 1939 г., число неграмотных в РСФСР сократилось к 1959 г. более чем в 7 раз [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 187, 190].

Общая численность населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения, составляла 117 534 тыс. чел. Удельный вес неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет в общей численности населения РСФСР данного возраста составил 1,4 % против 10,3 % в 1939 г., значительно повысилась грамотность среди женщин. Если в 1939 г. удельный вес неграмотных женщин в общей численности женщин данного возраста составлял 16 %, то в 1959 г. — только 2 %. Однако число неграмотных женщин, как в городах, так и в сельской местности, значительно превышало число неграмотных мужчин. Из общего количества неграмотных в 1959 г. женщины составляли 80 %, а в городах — 82 % от всего неграмотного городского населения.

Из общей численности неграмотных жителей России 268,8 тыс. чел., или 26,6 %, не умели ни читать, ни писать из-за болезни (умственная отсталость, слепые, глухонемые и др.). Среди мужчин почти у 50 % неграмотность была связана с болезнью, тогда как среди женщин неграмотных по болезни насчитывалось только 20 % [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 188].

Наибольшее число неграмотных (в процентном отношении к общей численности населения автономной республики) было выявлено в Чечено-Ингушской АССР (39,9 тыс. чел., или 5,6 % от общей численности населения республики) и в Якутской АССР (11 тыс. чел., или 2,3 %). В Калмыцкой АССР перепись выявила 3 935 чел. (2,2 % от общей численности населения республики), не умеющих ни читать, ни писать ни на каком языке, в том числе в городах и поселках городского типа — 624 человека (16 %), в сельской местности — 3 311 человек (84 %). Среди неграмотных жителей Калмыцкой АССР насчитывалось 779 мужчин (19,8 %) и 3 156 женщин (80,2 %) [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 188, 191; Население России в XX веке 2005: 202–207]. Думается, что такая ситуация — это в значительной мере эко политики депортаций и спецпоселений.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. впервые дала полное представление об уровне образования всего населения СССР. В советское время многие данные переписи, в частности о количестве неграмотных и малограмотных, не публиковались. Для высшего руководства страны на основе материалов переписи готовились тематические статистические сводки, освещавшие различные стороны жизни советского народа, почти все они имели гриф «Не для печати». Закрытость информационных материалов, подготовленных для высшего партийного руководства, в значительной мере была обусловлена тем, что в них содержались данные в абсолютных величинах (миллионы человек), а не только процентные соотношения, как это практиковалось в советской статистике.

Всего, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в СССР насчитывалось 208,8 млн чел., в том числе 162,5 млн чел. в возрасте 10 лет и старше. Занятого населения насчитывалось 99,1 млн чел. Число лиц, не имевших начального образования, в составе занятого населения составляло 23,4 млн чел. (23,6 %), в том числе неграмотных насчитывалось 3,5 млн (3,5 %). По отношению ко всему населению в возрасте 10 лет и старше доля лиц, не имевших даже начального образования, составляла 53,5 млн чел. (32,9 %), в том числе доля неграмотных — 13,3 млн (8,2 %). В основном не владели грамотой люди старшего возраста. Из 13,3 млн чел. в возрасте 10 лет и старше, являвшихся в январе 1959 г. совершенно неграмотными, свыше 85 % приходилось на долю тех, кто не подлежал обязательному обучению, т. е. был в возрасте 50 лет и старше [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 13 об.–14].

В течение 1959–1962 гг. в стране продолжалась планомерная работа по ликвидации неграмотности, но она протекала уже не столь интенсивно, как в 1958 г. Вопрос о завершении ликвидации неграмотности среди населения вновь рассматривался в ЦК КПСС летом 1962 г. В соответствии с постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 27 августа 1962 г. программа полной ликвидации неграмотности среди взрослого населения должна была завершиться к 1 июля 1965 г. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 55]. На начало 1963 г. в стране все еще насчитывалось (по расчетам ЦСУ СССР) 885 тыс. неграмотных в возрасте 16–49 лет (включая лиц,

имевших дефекты умственного и физического развития) [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 14]. В РСФСР численность неграмотного взрослого населения, подлежащего обучению, составляла около 300 тыс. чел., более половины из них к началу 1965 г. прошли обязательный курс обучения грамоте. Среди взрослого населения Калмыцкой АССР в 1962–1964 гг. было выявлено дополнительно неграмотных 1 441 чел., большинство из них к началу 1965 г. овладели грамотой, необученными оставались 146 чел. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 63].

Особое беспокойство у высшего руководства страны вызывало то обстоятельство, что среди неграмотных лиц встречалась и молодежь. ЦК КПСС и Совет министров СССР секретным постановлением от 20 июля 1964 г. «О мерах дальнейшего улучшения подготовки молодежи допризывного и призывного возрастов к службе в Вооруженных силах СССР» обязали республиканское руководство в двухмесячный срок выявить всех неграмотных юношей в возрасте 15 лет и старше и организовать их обучение в групповом и индивидуальном порядке. Счет неграмотных юношей уже не шел на тысячи, как было десять лет назад. В РСФСР, например, было выявлено 469 неграмотных юношей допризывного и призывного возрастов, причем далеко не все они проживали в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока, как можно было бы предположить. Относительно много неграмотной молодежи было выявлено в Саратовской, Ленинградской, Ростовской и в других экономически развитых областях РСФСР [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 113. Л. 56–57].

Проблема ликвидации неграмотности населения имела, с одной стороны, репутационное значение, с другой, — чисто практическое. Научно-технические достижения СССР во второй половине 1950-х–1960-х гг. заставили мировую общественность по-новому взглянуть на советскую образовательную систему. Риск потери приобретенной Советским Союзом репутации страны, которая достигла высокого уровня научно-технического развития, заставлял советское руководство уделять значительное внимание вопросам ликвидации неграмотности и по этой же причине вынуждал скрывать от общественности факт наличия большого числа неграмотных среди занятого населения страны. С практической точки зрения

неграмотность занятого населения мешала повышению материального уровня трудящихся, поскольку не позволяла неграмотным людям выйти из группы неквалифицированных и, соответственно, низкооплачиваемых категорий рабочих. В рамках всего народного хозяйства неграмотность части занятого населения сдерживала развитие производительных сил страны.

Секретный характер государственной политики ликвидации неграмотности мешал широкомасштабному привлечению к обучению неграмотных общественности. Органы народного образования без активной помощи профсоюзных и комсомольских организаций не имели реальной возможности справиться с обучением сотен тысяч неграмотных и малограмотных людей в предлагаемые правительством сроки. Тем не менее, в 1950–1960-е гг. в стране была проведена значительная работа по обязательному обучению неграмотного населения, которая фактически привела к постепенной ликвидации неграмотности как явления.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации:
 Ф. А-2306 — Министерство просвещения РСФСР. Оп. 72. Д. 3523.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 3524.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4440.
 Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4441.
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории:
 Ф. 2 — Пленумы ЦК ВКП (б) — КПСС. Оп. 1. Д. 627.
 Ф. 3 — Политбюро ЦК КПСС. Оп. 56. Д. 17.
 Ф. 5 — Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 42, 66.
 Ф. 52 — личный фонд Н. С. Хрущева. Оп. 1. Д. 350.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории:
 Ф. 556 — Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Оп. 16. Д. 35.
 Ф. 556. Оп. 16. Д. 63.
 Ф. 556. Оп. 16. Д. 113.

Литература

- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
 История сталинского Гулага: Конец 1920-х — первая пол. 1950-х годов: Собр. док.: в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М.: РОС-СПЭН, 2004. 823 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.

Sources

- GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. A-2306 — *Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR* [Ministry of Education of the RSFSR]. Op. 72. D. 3523; 3524; 4440; 4441 (In Russ.).
- RGANI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History]:
- F. 2 — *Plenumy TsK VKP (b) — KPSS* [Plenary sessions of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) — Communist Party of the Soviet Union]. Op. 1. D. 627 (In Russ.).
- F. 3 — *Politbyuro TsK KPSS* [Politburo of the CPSU CC]. Op. 56. D. 17 (In Russ.).
- F. 5 — *Apparat TsK KPSS* [Administrative Office of the CPSU CC]. Op. 18. D. 42, 66 (In Russ.).
- F. 52 — *Lichnyy fond N. S. Khrushcheva* [The

personal archival fund of N. Khrushchev]. Op. 1. D. 350 (In Russ.).

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 556 — *Byuro TsK KPSS po RSFSR* [Bureau of the CPSU CC for the RSFSR]. Op. 16. D. 35; 63; 113 (In Russ.).

References

- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Deportees in the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 306 p. (In Russ.).
- Istoriya stalinskogo Gulaga: Konets 1920-kh — pervaya pol. 1950-kh godov: Sobr. dok.: v 7 t. T. 5. Spetspereselentsy v SSSR* [History of the Stalinist Gulag: from the late 1920s to the mid-1950s. A collection of documents, in 7 vol. Vol. 5. Deportees in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 823 p. (In Russ.).
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: V 3-kh t. T. 3, kn. 1: 1960–1979* [Russia's population in the 20th c.: historical sketches. In 3 vol. Vol. 3, book 1: 1960–1979]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 304 p. (In Russ.).

УДК 94(47)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В СССР В 1950–1960-е гг.

Галина Михайловна Иванова¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; заместитель директора по научной работе, Государственный музей истории ГУЛАГа (Москва, Российская Федерация). E-mail: ivgalina@mail.ru.

Аннотация. На новом архивном материале исследуется проблема ликвидации неграмотности взрослого населения СССР в 1950–1960-е гг. Анализируются причины увеличения численности неграмотного населения в послевоенный период. Делается вывод, что одной из важных причин роста количества неграмотных были депортации и спецпоселения, так как многие дети из семей депортированных и спецпоселенцев не имели реальной возможности учиться.

Впервые объектом исследования стала государственная программа ликвидации неграмотности, развернутая в стране после принятия секретного партийно-правительственного постановления от 4 января 1958 г. «О ликвидации неграмотности среди населения». Анализируется ход выполнения этого постановления и его результаты. Всего в 1958 г. в РСФСР было обучено полмиллиона неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет, в том числе 1 611 калмыков. Итоги переписи населения 1959 г. показали, что работа по ликвидации неграмотности не была завершена. Секретный характер государственной политики ликвидации неграмотности мешал широкомасштабному привлечению общественности к обучению неграмотных. Органы народного образования без активной помощи профсоюзных и комсомольских организаций не имели реальной возможности справиться с обучением сотен тысяч неграмотных и малограмотных людей в предлагаемые правительством сроки.

Статья содержит обширный статистический материал о численности неграмотных и малограмотных в целом по стране, а также по регионам.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, депортации и спецпоселения, образование в СССР, статистика неграмотных.